

П. И. ТАЛЕРОВ

Михаил Бакунин и русская идея

Известный русский анархист М. А. Бакунин прожил яркую жизнь революционера, борца за свободу человека, справедливость в социальных отношениях. Выходец из знатного русского рода, он отказался от спокойного и мерного прозябания в тиши своего наследного поместья и выбрал бурную, наполненную опасностей и невзгод судьбу, на практике доказав, что светлые идеалы требуют не столько кабинетных раздумий, сколько баррикадных сражений с оружием в руках. К сожалению, сегодня некоторые учёные мужи могут без особых колебаний и раздумий дать этому мужественному человеку политический ярлык типа «мятежный идеалист», «беспечный мечтатель» и т. д. и т. п., пытаясь тем самым снизить авторитет нашего знаменитого соотечественника, значение его социально-политических идей в российском революционном процессе. Однако данными эпитетами вряд ли можно умерить величину этой личности. Вызывает лишь сожаление, что такие высказывания нашего современника однозначно характеризуют его самого не как учёного, а, скорее, как наученного обывателя, бесперспективного зашоренного ортодокса, готового ради сиюминутной конъюнктуры пожертвовать даже исторической правдой.

К счастью, «мертвые сраму не имут». Идеи Бакунина, несмотря на их известный идеализм и утопизм, и сегодня находят ярких сторонников и последователей, хотя отдельные действия последних не могут не вызывать сожалений ввиду их неоправданной жестокости и агрессивности. По-видимому, все это и заставляет нас сегодня вновь и вновь обращаться к истории жизни великого анархиста, к его творческому наследию, и опять расшифровывать бакунинскую формулу, всколыхнувшую весь мир: «страсть к разрушению есть вместе с тем и созидаящая страсть!».

Дав ее в одной из первых своих политических статей «Реакция в Германии (Очерк француза)» под псевдонимом Жюль Элизар*, Бакунин вложил в неё идею и механизм революционных преобразований. «Разрушение и разложение положительного, — писал он, — вот единственно возможное взаимоотношение положительного с отрицательным, составляющее имманентную совокупность движения и движущую силу противоположения». Разрушение предполагается не ради разрушения самого по себе, но понимается диалектически, как основа развития общества, без которого новое не зародится, поскольку «нельзя искать вечно юного, вечно рождающегося вновь духа среди руин!». И хотя вся работа пропитана философией Гегеля, можно с уверенностью сказать, что русская национальная идея нашла здесь своё отражение. Особенно в заключительных пророческих строках, написанных с особым жаром и страстью: «Даже в России, этой бесконечной, занесенной снегом империи, которую мы так мало знаем, и которой, быть может, предстоит великое будущее, даже в России собираются темные, предвещающие грозу тучи!»** Явившись прелюдией политической карьеры революционера, эта работа стала своеобразным ее эпиграфом, смыслом жизни, наметила дальнейшее развитие мысли...

Русская идея, неразрывно связанная с историей и традициями русского народа, развитием его мироощущения, менталитетом, наконец, имеет в отечественной и зарубежной литературе самые разнообразные трактовки. Нельзя не согласиться с тем, что здесь мы сталкиваемся с «понятием сложным и неоднозначным, многогранным и многоаспектным, отражающим многовариантность исторического пути России»***. Разработке концепции русского национального самосознания посвящали свои труды известные российские писатели, публицисты, философы, общественные деятели. Начало же ей положила дискуссия между славянофилами и западниками о роли и месте России в мировом историческом процессе, катализированная П. Я. Чаадаевым, и которая естественным образом отразилась на мировоззрении Бакунина в 40-е гг. XIX столетия.

Впервые термин «русская идея» в 1860-е гг. применил великий русский писатель Ф. М. Достоевский, отмечавший в душе русского

* Впервые напечатана в «Немецкой Летописи». 1842. № 247–251. 17–21 октября. На русском языке статья публиковалась несколько раз. См., напр.: Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876. Т. 3.: Период первого пребывания за границей. 1840–1849. М., 1934. С. 126–148.

** Бакунин М. А. Реакция в Германии (Очерк француза) // Цит. по: Полонский В. Михаил Александрович Бакунин: Жизнь, деятельность, мышление. Т. 1.: Бакунин-романтик. М.; Л., 1925. С. 116, 117.

*** Маслин М. А. «Велико незнание России...» // Русская идея. М., 1992. С. 12.

народа такое свойство, как «склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению»*. Продолжая эту мысль, основоположник теории «русского социализма» и народничества А. И. Герцен увидел в русской соборности — «единственное средство для определения действительных нужд народа и положения», в котором он находится, назвал ее единственным средством «выйти без потрясений, без переворота — террора и ужаса — без потоков крови» из нынешнего состояния**.

Теоретически концепцию русской идеи впервые попытался осмыслить отечественный философ-идеалист В. С. Соловьёв, представив её миссионерским предназначением России и находящейся в «неразрывной связи с вселенским семейством Христа», не имеющей в себе ничего «исключительного и партикуляристического», кроме как «лишь новый аспект самой христианской идеи». Реализацию русской идеи он предполагал через «осуществление социальной троицы», т. е. путем воплощения органического единства церкви, государства и общества***.

Другой известный философ идеалистического направления, активный участник духовно-общественного движения «Русский религиозный и культурный ренессанс» Н. А. Бердяев сущность русской идеи рассматривал под призмой присущей нашему народу антиномичности, т. е. противоречивости, как в собственном мироощущении, так и в социальной жизни. Русский народ, по его мнению, самый аполитичный и не умеющий «устраивать свою землю». Бердяев считал анархизм «явлением русского духа». Даже православной идеологии, по его мнению, самодержавия присущи черты безгосударственного духа, поскольку длительную крепость царского трона можно также объяснить отказом «народа и общества создавать государственную жизнь». Но очевидно и то, что такой анархичный, свобододолюбивый народ создал самую огромную и могущественную империю. «Здесь скрыта тайна русской истории и русской души». Загадкой считает Бердяев и другую антиномию — Россия, как самая не шовинистическая страна в мире, предстает страной «невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией», страной «национального бахвальства». Русское смирение противостоит русскому самомнению. И подобную анти-

* Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Там же. С. 132. О сущности концепции «русской идеи» Ф. М. Достоевского см. также: Сизов В. С. Русская идея в миросозерцании Ф. М. Достоевского. Киров, 1998.

** Герцен А. И. Prolegomena // Там же. С. 128.

*** Соловьёв В. С. Русская идея // Там же. С. 204.

номичность автор видит в России на каждом шагу. Она и составляет, по его мнению, суть загадочной русской души, русской идеи*.

Приведённый выше краткий экскурс в историю и суть проблемы позволяет определить место творчества М. А. Бакунина в контексте русской идеи. Хотя здесь надо сделать одно замечание: сама концепция появилась намного позднее, чем впервые русский революционер высказал свое отношение к роли России в мировом историческом процессе. Бердяев рассматривал анархический бунт Бакунина как «погружение в хаотическую русскую стихию»; русский анархизм несёт в себе женственное начало, а не мужественное, он — «пассивный, а не активный». Стремление к свободе так же пассивно, не несёт в себе борьбы, а представляет «отдание себя, свободу от активности». Все это объясняется нежеланием русского народа быть мужественным, «пассивной, рецептивной женственностью в отношении к государственной власти»**. Однако нам представляется, что предписанная Бакунину пассивность в его отношениях с народом несколько преувеличена. Действительно, в своём знаменитом революционном манифесте — «Прибавлении А» к «Государственности и анархии», вышедшей в Цюрихе в 1873 г. на русском языке, он писал о саморазвитии русского народа, народном прогрессе, который совершается путем «естественного нарастания опыта и мысли, передаваемого из рода в род и необходимым образом расширяющегося, углубляющегося по содержанию, усовершенствующегося и облекающегося в свои формы». По мнению Бакунина, народу невозможно дать «новое умственное или нравственное содержание, новую истину», произвольно изменить течение его жизни, поскольку у него уже имеются пусть тёмные, но честные, инстинктивные стремления, соответствующие социально-революционной мысли***.

В широких массах существует идеал, выдвинутый самим народом из самой глубины своей жизни как «результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы» и представляющий собой «как бы образное и общепонятное, всегда простое, выражение его настоящих требований и надежд». Но этот идеал не может быть реализован без поддержки извне. «Народ наш явным образом нуждается в помощи», поскольку в существующем идеале есть «существенные недостатки, которые мешали и мешают успеху» в деле собственного освобождения. И эту помощь, по мнению

* Бердяев Н. А. Русская душа // Там же. С. 298–300.

** Там же.

*** Бакунин М. А. Государственность и анархия. Прибавление А // Бакунин М. А. Философия, социология, политика. М., 1989. С. 510–511.

Бакунина, должна оказать пропагандистская деятельность революционной молодежи, на которую русский анархист возложил важную историческую миссию побороть недостатки «в самом народном сознании» и, в первую очередь, разбить замкнутость российских крестьянских общин, уединение и разъединение миров и «провести между этими отдельными мирами живой ток революционной мысли»*.

О каком же пассивном «погружении в хаотичную русскую стихию» может идти речь? Тем более, что эта работа Бакунина вместе с другими эмигрантскими изданиями, запрещенными царской цензурой к распространению в России, нелегально была распространена в империи и нашла самый живой отклик в сердцах революционного студенчества. Не без воздействия бакунинских идей молодежь в то время решала великий вопрос: «каким путём она может быть полезной народу?», и постепенно приходила к выводу, что «существует лишь один путь: нужно идти в народ и жить его жизнью»**. Народническое движение в России, положившее начало заключительной фазе монархического правления, ещё раз наглядно подтвердило неисчерпаемость русской идеи, глубину смысла, заложенного в это понятие. Действительно, каким образом в головах юных созданий из благополучных состоятельных семей могло зародиться желание, не взирая на трудности и опасности, помочь своему народу освободиться от многовекового гнета?..

Изучая судьбу и творческое наследие М. А. Бакунина, нельзя не заметить того особого внимания, которое уделял анархист славянскому вопросу. Сам Бакунин считал, что русский народ — это часть более глобальной славянской нации. Входящие в неё народы объединены одними и теми же историческими корнями, у них близкие по духу и звучанию язык, культура, традиции. Осенью 1840 г. Бакунин впервые выехал за границу «для того, чтоб слушать курсы наук в Берлинском университете»***. Он еще не был революционером, и его взгляды были наполнены идеалистическими надеждами на справедливость российского монарха. Однако спустя некоторое время, «очутившись в центре революционного водоворота <...> Бакунин в Бельгии впервые почувствовал непреодолимую *тягу к славянству*»**** и принял самое активное участие в славянском движении. В этой деятельности отразился весь воспитанный на рос-

* Там же. С. 509, 520, 521.

** *Кропоткин П. А.* Записки революционера. СПб., 1906. С. 272.

*** *Бакунин М. А.* Исповедь // Алексеевский равелин: Секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Кн. 1. Л., 1990. С. 253.

**** *Полонский В.* Указ. соч. С. 155.

сийской закваске характер начинающего революционера — человека русского, устремлённого к решению вселенских проблем, выполняющего важную освободительную миссию.

В отличие от государственного панславизма, носившего в те годы «ярко выраженный превентивный характер» и предназначенного «для борьбы с национальными движениями славянских народов»*, революционный панславизм Бакунина** был направлен на «русскую революцию и республиканскую федерацию всех славянских земель, — основание единой и нераздельной Славянской республики, федеративной только в административном, центральной же в политическом отношении»***. (Идеи эти, заметим в скобках, носили явно демократический характер и были далеки как от социалистических, так, тем более, от анархических.) Не все было гладко в отношениях Бакунина с участниками славянского движения. Причины этого весьма далеки от него самого и не являются предметом данной нашей статьи. Здесь важно отметить другое: Бакунин в своих высказываниях о роли России, русского народа в деле освобождения славян «от глубокого внешнего и внутреннего рабства, в котором они ныне томятся»**** даже несколько раньше, чем российские идеологи русской идеи, высказывал мысли об особом миссионерском предназначении нашей страны. При этом он, обращаясь к братьям-славянам, не без пафоса говорил: «Когда вы ждете спасения от России, то предмет ваших упований должна быть не поработенная и закрепощённая Россия со своим притеснителем и тираном, а возмущенная и востановившая к свободе Россия, могучий русский народ»*****.

Хотя революционная и пропагандистская деятельность Бакунина в период первого пребывания за границей и принесла свои плоды (теперь даже «самые простейшие люди начинают догадываться, что освобождение России необходимо для всемирного освобождения»^{6*}),

* Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи. М., 1969. С. 45.

** Сам Бакунин был против этого термина: «<...> не мешало бы как можно сильнее протестовать против имени «панславистов», которым <...> нас награждают <...> я не был <...> никогда панславистом, но в движении славянском принимал горячее участие <...>» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву» СПб., 1906. С. 233–234.)

*** Бакунин М. А. Исповедь // Алексеевский равелин. С. 269.

**** Бакунин М. А. Проект письма в редакцию берлинской «Реформы» // Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876. Т. 3. С. 321.

***** Бакунин М. А. Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена славянского съезда в Праге // Там же. С. 357.

^{6*} Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966. Т. XII. С. 289.

тем не менее исторические и политические реалии были не в пользу бакунинских идей. Славянские государства Западной Европы были раздираемы спорами и национальными притязаниями, заслонившими от них интересы целого. Поняв это, Бакунин даже попытался организовать тайное общество «Славянских друзей», рассеянного неудачей Славянского конгресса в Праге в 1848 г.

Не оставался Бакунин безучастным к русской национальной идее и в последующие годы, пройдя трагические испытания. В цитированной уже «Исповеди», написанной в Петропавловской крепости и адресованной Николаю I, он дал оценку социально-политическому положению России и свой вариант ответа на вопрос «Что делать?». Даже если сделать скидку на предысторию этого документа, нельзя не обратить внимание на следующие слова: «В России главный двигатель страх, а страх убивает всякую жизнь, всякий ум, всякое благородное движение души <...> Русская общественная жизнь есть цепь взаимных притеснений <...> Хуже же всех приходится простому народу, бедному русскому мужику». И далее: «<...> Россия, для того чтоб спасти свою честь и свою будущность, должна совершить революцию <...> уничтожить монархическое правление и, освободив себя таким образом от внутреннего рабства, стать во главе славянского движения: обратить оружие <...> против целого света для окончательного освобождения всех славянских племен из-под чужого ига»*.

До конца своих дней Бакунин оставался верен своей любви к России, русскому народу, которую он с особой силой познал вдали от Родины. Будущность своей страны он представлял естественным продолжением стремления русской (и славянской) нации к физическому и духовному освобождению. Это будущее он видел для России, если каждый искренне верящий в нее пойдет к своему народу «прямо и искренно, без хитрости, без обмана» и принесет «в дар ему и весь ум и все сердце, и чистую, крепкую волю служить ему». И хотя русский народ, «пожалуй, груб, безграмотен <...> зато в нем есть жизнь, есть сила, есть будущность <...>». Каждый, кто свяжет свою судьбу с судьбою своего народа, сможет перевоспитать «себя в среде народной <...> И вы сделаетесь тогда, без сомнения, людьми народными»**. Именно таким и был Михаил Александрович Бакунин.

* Бакунин М. А. Исповедь // Алексеевский равелин. С. 296, 302.

** Бакунин М. А. Народное дело. Романов, Пугачёв или Пестель // Бакунин М. А. Избр. соч.: В 5 т. Т. 3. Пб.; М., 1920. С. 85, 91.